

На правах рукописи

Никонорова Татьяна Николаевна

**ДОКУМЕНТЫ КОМИССИИ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ
ПРИ ЦК ВКП(б) (1934-1952 гг.) КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СРЕДЕ ПАРТИЙНОЙ
НОМЕНКЛАТУРЫ**

Специальность 07.00.09 —

Историография, источниковедение и методы исторического
исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре источниковедения Высшей школы источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин Историко-архивного института федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Научный руководитель: **Дурновцев Валерий Иванович**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Зубкова Елена Юрьевна**
доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Института российской истории Российской академии наук, Центр социальной истории России, главный научный сотрудник

Пивоваров Никита Юрьевич
кандидат исторических наук, Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив новейшей истории», отдел изучения и подготовки к публикации архивных документов, главный специалист

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского»

Защита состоится 26 октября 2018 года в 16.00 на заседании диссертационного совета Д 212.198.03 (по историческим наукам), созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), по адресу: 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д.6, и на сайте РГГУ по адресу: <http://dissovet.rggu.ru/section.html?id=12723>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Барышева Елена Владимировна

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертации определяется тем, что экономическая преступность, её распространенность в среде бюрократии, эффективность борьбы с ней являются теми сигнальными маркерами для политического режима, которые в итоге определяют его жизнеспособность. Советский и особенно сталинский период нашей истории ассоциируется значительной частью российского общества с порядком, отсутствием нездоровых практик в указанной сфере. Опасность обобщений как с этой, так и противоположной ей позиции актуализирует научное изучение доступной нам источниковой базы истории государственного аппарата и конкретно экономической преступности. Материалы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) содержат протокольные записи по персональным делам членов партии. Спецификой Комиссии было то, что она рассматривала не только партийные проступки, но и экономические преступления партийной номенклатуры, причем, преимущественно, в досудебном порядке, редко передавала собранные материалы судебно-следственным органам. Поэтому материалы Комиссии во многом уникальный исторический источник, информационный потенциал которого лишь отчасти могут восполнить документы иных фондообразователей. В настоящее время только отдельные документы КПК введены в научный оборот, в целом фонд КПК остается неисследованным.

В Российской Федерации до сих пор не выработана эффективная модель контроля исполнения решений органов государственной власти: советская модель была разрушена, а новая, соответствующая ценностям правового демократического государства, — не создана. Пример западноевропейских государств подсказывает, что контроль бюрократии возможен, прежде всего, через институты гражданского общества (среди которых особую роль играют свободные массмедиа), а также независимые органы судебного и парламентского контроля. При таком контроле злоупотребления высших должностных лиц и государственных служащих становятся достоянием общественности и получают объективную судебную оценку. Иначе обстоит дело в тех государствах, где общественные институты неразвиты и нет разделения властей. В СССР контроль за работой партийно-государственной номенклатуры осуществлялся специализированными органами, ведущее место среди

которых занимала КПК. Деятельность КПК не была транспарентной, ее целью было не выявление нарушений прав и свобод граждан, тем более — не информирование общества о таких нарушениях, а пресечение опасных для режима практик. Для Российской Федерации важно принять во внимание опыт прошлого, чтобы взвесить все «за» и «против» советской модели контроля, контроля вне свободных и независимых институтов гражданского общества. Такая формулировка одной из проблем, актуализирующая настоящее диссертационное исследование, отнюдь не расходится с его источниковедческой спецификой. Контроль свойственна информационная природа. Источниковедческое исследование документов КПК, изучение систем документирования, документации, организации документооборота позволит понять, насколько был эффективен тоталитарный контроль в общем, прежде всего, в его утилитарно-организационном срезе.

Историография проблемы. Историографическая традиция поставленной проблемы имеет достаточно сложную структуру. Как самостоятельный элемент исторического знания тема диссертационного исследования не имеет собственной историографии. Однако разрабатывались с разной степенью интенсивности отдельные ее элементы.

Первую группу составляет литература источниковедческого характера. Из советских исследований принимались во внимание работы, демонстрирующие при неизбежных идеологических ограничениях комплексный подход к изучению документа партийных организаций (М.Н. Черноморский, М.А. Варшавчик, Т.В. Батаева). Новейшие источниковедческие разработки материалов КПСС отличаются разнообразием и свежестью источникового материала, предлагают эффективные исследовательские приемы анализа различных видов источников партийного происхождения (В.Ю. Афиани, А.З. Ваксер, В.В. Кабанов, Г.А. Куренков, М.А. Леушин, Н.Н. Покровский).

Вторую группу составляют исторические исследования организации партийного контроля и партийных контрольных органов. Советская историография преимущественно фокусировалась на работе ЦКК-РКИ и региональных институтов партконтроля в 1920-1934 гг., освещались такие предметные области как роль

партийного контроля в совершенствовании государственного аппарата, решении народнохозяйственных задач, привлечении широких масс к государственному управлению; борьба партконтроля за единство партии (С.Н. Иконников, Л.Ф. Морозов, И.М. Москаленко, А.И. Чугунов). О состоянии партийного контроля 1934–1953 гг. практически ничего серьезного написано не было, что, разумеется, было вызвано нежеланием затрагивать проблемы сталинизма. Некоторым исключением является монография К.В. Гусева. Однако характерно, что из 100 её страниц только три посвящены периоду 1934—1953 гг. Архивные источники в таких работах использовались крайне ограниченно, основу источниковой базы составляли опубликованные материалы партийных съездов, а также самих органов контроля.

В постсоветских российских исследованиях по истории сталинизма и сталинских репрессий более общего характера вопросы партконтроля и работы КПК освещались эпизодически (И.В. Павлова, Р.Г. Пихоя, О.В. Хлевнюк), практически всеми авторами отмечалось тесное сотрудничество КПК с органами госбезопасности, участие в арестах, репрессивных кампаниях. Функционирование, сущность партконтроля рассматриваемого периода даже в более узких предметных работах о партийном контроле (О.Н. Калинина, К.А. Юдин) освещена достаточно фрагментарно, главным образом на материалах региональных архивов.

В настоящее время деятельность КПК более обстоятельно изучена в англоязычной историографии. Профессор Калифорнийского университета Арч Гетти на архивных делопроизводственных материалах КПК XVII созыва (1934–1939 гг.) исследовал противостояние центра и региональной партийной верхушки.

Некоторые аспекты организации и работы КПК освещены в англоязычных монографиях, рабочих докладах, статьях Пола Грегори (Хьюстонский университет), Андрея Маркевича (Уорикский университет, РЭШ), Евгении Беловой и Валерия Лазарева (Стэнфорд) в контексте проблем экономической истории сталинизма. Несмотря на то, что сама КПК уходит в этих исследованиях на второй план, сделано важное заключение об её квазисудебной природе.

Третью группу составляют исследования экономической преступности в сталинском СССР. Советскими историками, юристами эта тема практически не

изучалась, если не считать идеологические пропагандистские статьи и узкоспециальные публикации криминологического плана (Н.И. Архипцева, И.Т. Голяков).

В новейших работах по истории российского права наблюдается значительный интерес к советской государственно-правовой модели (Р.С. Абдулин, А.Я. Кодинцев, В.Г. Косачев, В.Н. Кудрявцев, П. Соломон, А.И. Трусов). Развитие советского законодательства и институтов советской юстиции, место и роль квазисудебных органов в отправлении правосудия, уголовно-исправительная политика государства, формы вмешательства ВКП(б) в работу советских судебно-следственных органов — основные предметные области, которые с той или иной степенью интенсивности освещаются в историко-юридических исследованиях последних двух десятилетий. КПК в этом контексте упоминается как репрессивных орган.

В последние двадцать пять лет появилось достаточное количество работ, посвященных феномену советской экономической преступности (Н.Н. Артеменко, В.В. Лунев, В.М. Гыстаров, Г.А. Агаев, Н.В. Иванов, В.П. Пашин, Е.Д. Твердюкова, Н.И. Крюкова, И.В. Левакин, Джеймс Хейнзен). Авторы находят обусловленность определенных форм экономической преступности издержками советской административно-командной системы. Источниковую базу таких исследований составляли, прежде всего, нормативные акты, делопроизводственные материалы советских судебно-следственных органов.

Специально и предметно экономическая преступность сталинской партийной номенклатуры не исследовалась. В то же время более общая проблема «номенклатура и собственность» в теоретическом срезе не раз привлекла внимание политологов и советологов (М. Восленский, Е.Т. Гайдар, М. Джилас).

Таким образом, ни источниковедение документов КПК, ни источниковедение истории экономической преступности партийной номенклатуры не акцентированы в научной литературе и не разрабатывались исследователями.

Объект исследования – документы КПК периода 1934-1952 гг.

Предмет исследования – информационный потенциал документов КПК как источника изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры.

Цель работы – определение информационного потенциала документов КПК как источника изучения экономической преступности партийной номенклатуры.

Для реализации поставленной цели были решены следующие **задачи**:

1) Исследованы делопроизводство, видовая особенности документов КПК, а также структура и организация работы этого органа. Выявлена специфика документирования и документооборота как части организационно-управленческого процесса в КПК.

2) Изучены документы КПК как источники истории экономической преступности, её форм, восприятия роскоши в социально-экономической действительности сталинизма. Предложен путь типологии и обобщения как одного из направлений исследования документов КПК.

3) На примере конкретных политико-идеологических кампаний сталинизма изучены полнота и достоверность документов КПК.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1934 г. по 1952 г., то есть со времени образования КПК до её преобразования в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС.

Методологическая основа. Основой диссертации служит представление о партийном документе как о явлении культуры своего времени. При этом индивидуально-творческие начала в случае партийного делопроизводства уступают место корпоративному сознанию, сформированному поведенческими установками, действующими в конкретную историческую эпоху регуляторными нормами.

Использованы системный и сравнительно-исторический методы. В рамках системного подхода документы КПК рассматривались как элемент системы партийного контроля и партийно-государственного управления в целом. Сама КПК понимается как система, включающая в себя подсистемы – структурные подразделения (Бюро, Партколлегия, секретариат и др.). Сравнительно-исторический (компаративный) метод позволили решать как проблему достоверности документов КПК, так и полноты содержащихся в них сведений.

Изучая документы КПК, мы всё же имеем дело с порицаемой практикой, то есть с отклонениями от нормы. Любое отклонение в определенной степени

симптоматично, взаимообусловлено существующими в обществе на данном отрезке его развития стереотипами поведения. Определенные параметры социальной структуры порождают обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса является «нормальным» ответом на возникшую ситуацию. «Нормальный» в том смысле, что этот ответ соответствует основной характеристике данной культуры, даже если он не одобряется ею.

Источниковая база исследования. Основой исследования служит *делопроизводственная документация* КПК при ЦК ВКП(б) из архивных фондов КПК в Российском государственном архиве новейшей истории (ф. 6) и Российском государственном архиве социально-политической истории (ф. 589): протоколы и стенограммы заседаний пленумов КПК, постановления и решения Бюро и Партколлегии КПК и материалы к ним (справки, отчеты, докладные записки уполномоченных, ответственных контролеров); стенограммы совещаний аппарата КПК; докладные записки КПК в Политбюро ЦК ВКП(б), Секретариат ЦК ВКП(б), в Управление делами ЦК ВКП(б); переписка председателя и заместителя председателя КПК с советскими и партийными органами.

Изучение организации работы КПК, её кадрового, технического обеспечения, а также места КПК в структуре ЦК ВКП(б) потребовало привлечение материалов ЦК ВКП(б): Пленумов ЦК ВКП(б), Политбюро ЦК ВКП(б), Управления делами ЦК ВКП(б), Сектора информации организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б), Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), Техсекретариата Оргбюро ЦК ВКП(б) (РГАСПИ, ф. 17). Кроме того, изучены опубликованные материалы партийных съездов.

Для исследования истории партийного контроля периода до 1934 г. привлечены документы Центральной контрольной комиссии РКП(б)—ВКП(б): отчеты съездам партии и протоколы пленумов ЦКК, положения, циркуляры, переписка с судебными органами. Документы лишь частично опубликованы, большая часть материалов содержится в архивном фонде ЦКК в РГАСПИ (ф. 613).

Проведение сравнительного анализа потребовало изучение архивных материалов функционально близких к КПК советских учреждений: Совета

Министров СССР (ГА РФ, ф. Р-5446), Верховного Совета СССР (ГА РФ, ф. Р-7523), Верховного суда РСФСР (ГА РФ, ф. А-428), Прокуратуры СССР (ГА РФ, ф. Р-8131), Наркомата — Министерства государственного контроля СССР (ГА РФ, ф. Р-8300), ГКО СССР (РГАСПИ, ф. 633), Наркомата — Министерства финансов СССР (РГАЭ, ф. 7733).

Использованы советские и партийные *нормативные акты*: Конституция СССР, Уголовный кодекс РСФСР, указы Верховного Совета СССР, постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), регулирующие отношения в социально-экономической сфере, а также решения партийных съездов, Устав ВКП(б) в разных редакциях, положения о ЦКК и КПК при ЦК ВКП(б), локальные нормативные акты органов партийного и советского контроля.

Изучены материалы советской и партийной *периодической печати*: «Ведомости Верховного Совета СССР», «Еженедельник советской юстиции», «Известия ЦК РКП(б)», «Социалистическая законность», «Партийное строительство», «Партийная жизнь».

Привлечены *источники личного происхождения*: воспоминания председателя КПК А.А. Андреева, его письма, неопубликованные воспоминания заместителя председателя КПК И.А. Ягодкина (ЦМАМЛС, ф. 173), а также опубликованные воспоминания и дневники современников КПК (В.А. Малышева, Н.С. Патоличева, Н.С. Хрущева, Г.В. Шумейко и др.).

Научная новизна работы определяется следующим:

1) Установлены неизвестные нюансы организации работы КПК:

(а) масштабность контрольной работы КПК, выразившаяся в неограниченности предмета партийного контроля, дублировании работы советских органов (прежде всего, Комиссии советского контроля при СНК СССР), системе внутренней перепроверки (ответственные контролеры КПК перепроверяли работу уполномоченных КПК в регионах), что на фоне остановки роста личного состава КПК привело её к кризису, когда КПК просто физически не могла справляться с валом подлежащих проверке заявлений и дел, так и не разрешенному до самой смерти И.В. Сталина;

(б) постоянное вмешательство КПК в работу органов советской юстиции и фактическая роль «сословного суда» для членов ВКП(б): подход к «расследованию» проступков членов партии трансформировался от критики досудебного партийного расследования до признания такой практики в качестве обязательной, сама КПК рассматривала поступающие апелляции на решения парткомов по персональным делам и самостоятельно «по первой инстанции» – по специальному заданию ЦК ВКП(б) – рассматривала особо важные персональные дела, нередко давая указания судам и прокуратурам;

(в) последовательный отказ от внутрипартийной публичности, особенно после 1939 г., когда КПК потеряла право проводить свои пленумы;

(г) создания неписанных практик: замены уже вынесенных решений КПК, формальный и зависимый от политической конъюнктуры подход к разбору дел членов ВКП(б), номинальность положения председателя КПК А.А. Андреева (фактическим председателем КПК был его заместитель М.Ф. Шкирятов).

2) Впервые детально воссоздана структура КПК, включающая в себя как органы управления КПК – Бюро и Партколлегию, так и административно-хозяйственные отделы – секретариат, канцелярию, в которую в свою очередь входили протокольная и секретная части, два архива, картотека, сектор писем и машинописное бюро. Это позволяет в свою очередь чётко понимать порядок документирования и распределение функций внутри КПК.

3) Впервые выявлены сущностные черты организации делопроизводства и архива КПК: наличие двух архивов (общий архив и секретный архив КПК, в котором обособленно хранились наиболее важные материалы проверок и личные дела на представителей партийной оппозиции, высокопоставленных номенклатурных работников уровня первого секретаря обкома и т.п.); высокий уровень секретности: все протоколы содержали граф «совершенно секретно», некоторые попадали в «Особую папку»; постоянный рост документооборота сочетался с недостаточным техническим и кадровым обеспечением делопроизводства и архивного хранения документов КПК.

4) В ходе работы и верификации материалов были получены данные, позволившие изучить неизвестные аспекты экономических правонарушений (банкеты как форма коррупции и противоречивость «антибанкетной» партийной кампании; выплата гонораров в ведомственных изданиях по повышенным ставкам как способ взятничества и самоснабжения; нецелевое расходование фондов премирования на предприятиях, оформление фиктивных соглашений, ведомостей, запрещенные товарообменные операции, позволяющие выводить средства для приобретения материалов на черном рынке; востребованность конкретных форм бытовой роскоши и связанные с этим злоупотребления при распределении; утаивание излишков выпущенной продукции на производстве с последующим включением в выполнение плана следующего квартала), а также следственной работы КПК, «Азербайджанского», «Ульяновского», «Ленинградского» дел.

Основные положения, выносимые на защиту:

- КПК с первых лет своей работы превратились в закрытый «сословный суд» для членов ВКП(б): практика партийного внесудебного преследования обрела форму как минимум остракизма (увольнение с работы, лишения жилья, исключение детей из институтов) или могла служить «спусковым механизмом» дальнейшего уголовного преследования.
- В архиве КПК не сохранились следующие важные комплексы документов: в фонде практически отсутствуют переписка КПК с органами госбезопасности, прокуратурой (при том, что в архивном фонде Прокуратуры СССР сохранились оригиналы писем КПК и отпуски направленной в КПК корреспонденции; коммуникация с госбезопасностью также была хорошо налажена, судя по воспоминаниям Н.С. Хрущева, А.В. Снегова, О.Г. Шатуновской и др.); в 70-е гг. была уничтожена существенная часть материалов проверок (оговорено в предисловии к описи архивного фонда КПК).
- В документах КПК отображается двойственная политика партии в сфере борьбы с экономическими преступлениями: одних комиссия укрывала от уголовного преследования, считая нецелесообразным передачу материалов судебно-следственным органам, материалы на других, неудобных, предвзято

истолковывала, в ряде случаев идя на прямые фальсификации (напр., «Ленинградское дело»).

- При всех неизбежной предвзятости КПК в её документах можно выявить общие характерные для того времени тенденции и девиантные практики в области экономических отношений как, например, самопремирование, приписки невыпущенной продукции на производстве и сокрытие перепроизводства, незаконные обменные операции, нецелевое расходование средств производственных фондов, нарушения в области внелимитных капиталовложений, злоупотребления во время денежной реформы 1947 г., хищения в спиртовой промышленности.

Практическая значимость исследования. Положения и выводы диссертации могут быть использованы в работах по источниковедению истории сталинизма, а также в дальнейших исследованиях истории советского государства и права. Кроме того, некоторые выводы относительно эффективности КПК и тоталитарной модели контроля в целом могут учитываться при выработке инструментов, механизмов административно-контрольной политики в Российской Федерации.

Структура работы соответствует задачам исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и двух приложений.

II. Основное содержание исследования

Во **введении** обосновываются актуальность темы исследования; анализируется историография проблемы; формулируется объект, предмет, цель и задачи исследования; обозначаются хронологические рамки и методологические основы работы; дается характеристика корпуса источников; обосновываются новизна и практическая значимость исследования.

Первая глава

«Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934-1952 гг.): структура, полномочия, особенности делопроизводства и документирования» посвящена организации работы КПК.

В первом параграфе рассматривается делопроизводство и видовые особенности документов КПК. На состояние делопроизводства КПК оказывали влияние несколько факторов: «всеохватность» контрольной работы КПК, сопровождающаяся постоянным увеличением документооборота; нехватка кадров; территориальная разобщенность — наличие внешнего аппарата уполномоченных, которые не всегда слаженно работали с центральным аппаратом. КПК сталкивалась с проблемой перепроверки, что приводило к дублированию информации, увеличению количества «вторичных» документов. На совещании технических работников КПК в 1950 г. положение с делопроизводством оценивалось как неудовлетворительное.

В архиве КПК поддерживался тот же уровень секретности, который был характерен для документов ЦК ВКП(б) в целом. Из общего архива КПК в 1935 г. был выделен комплекс наиболее секретных документов. Этот комплекс образовал собой обособленный специальный архив КПК, который стал самостоятельным структурным подразделением канцелярии КПК. Уровень организация архивного дела в КПК был неидеален и не позволял в полной мере обеспечивать сохранность документов, их быстрое обнаружение: располагался архив в подвальном помещении, а его материальное, кадровое обеспечение было явно недостаточным; в спецархиве не велось описание документов, в общем архиве только с конца 1940-х гг. стал использоваться журнал регистрации выдачи дел.

Материально-техническое состояние архива КПК в конце 1930-х — начале 1950-х гг., оговорки в предисловиях к составленным в 1970-е гг. описям архива КПК и свидетельства О.Г. Шатуновской о проводимой после XX съезда партии «экспертизе» архива КПК, а также анализ текущего состава фонда КПК указывают на неполную сохранность архива КПК.

Протоколы в форме постановлений Бюро и Партколлегии КПК, документы к ним — записки и справки уполномоченных, ответственных контролёров КПК, отчёты

уполномоченных КПК сохранились наиболее полно. Их «внешняя» (напр., дата протокола) и «внутренняя» содержательная достоверность вызывает в некоторых случаях обоснованные сомнения. При работе с документами уполномоченных КПК необходимо учитывать как наиболее серьезный фактор, влияющий на достоверность сообщаемых сведений, — взаимоотношения уполномоченных с местными партийными руководителями.

При том, что КПК ежегодно получала десятки тысяч писем, в открытых в настоящий момент материалах КПК эти письма представлены в сравнительно незначительном количестве. Не все они подписаны, по сути, являясь анонимками. Их критический анализ на предмет достоверности сообщаемых в них фактов заставляет искать мотивы, которыми руководствовались авторы. Спектр таких мотивов простирается от отчаянных попыток найти управу на местную партийную номенклатуру до примитивных доносов, подогретых очередной идеологической кампанией и/или корыстными интересами. Письма самой КПК сохранились еще в меньшем объеме, чем поступающая корреспонденция. Оригиналы писем КПК необходимо искать в архивных фондах других партийных и советских учреждений.

Делается вывод, что делопроизводство КПК рассматриваемого периода определялось как своими сложившимися традициями, так и принятой в ЦК ВКП(б) практикой. В организационном плане делопроизводство КПК было несовершенным. Основное внимание уделялось протокольному делопроизводству, в то же время обработка входящей корреспонденции была малоэффективной. Ситуацию усугублял слабый контроль документооборота и хранения документов. При том, что в распоряжении исследователей в настоящее время такой формализованный комплекс документов как протоколы, записки и отчеты, их изучение требует предельно обстоятельного уяснения обстоятельств их создания, влияния политической обстановки, субъективных факторов на содержание документов.

Во втором параграфе рассматриваются полномочия и структура КПК. Партийный контроль последовательно приобретал черты общегосударственного контроля. Образование в 1934 г. КПК имело своей целью встроить партконтроль в повседневный управленческий процесс. При этом КПК не унаследовала

самостоятельной политической значимости своей предшественницы – Центральной контрольной комиссии, приобретя скорее утилитарно-функциональное назначение в системе внутрипартийных отношений. Сравнительный анализ положения о КПК, его черновой редакции, а также положения о Комиссии советского контроля (КСК) позволяет прийти к заключению, что руководство партии, во-первых, сознательно добивалось отсутствия чёткого распределения областей ответственности советского и партийного контроля. Так отстаивалось право партии на контроль любого вопроса. Во-вторых, к полномочиям КПК относились вопросы особой важности, которыми КСК заниматься не могла. Такая всеохватность работы имела своим результатом текучку, перегруженность аппарата КПК.

В 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) КПК была реорганизована: было решено больше не избирать КПК съездом партии, а назначать ее членов непосредственно пленумом ЦК. КПК больше не проводила свои пленумы. Ее руководящим органом стало Бюро. Все решения КПК подлежали утверждению ЦК ВКП(б). КПК стала менее самостоятельным и менее публичным органом. Основная причина этой реорганизации состояла в отставке и аресте Н.И. Ежова, занимавшего кресло председателя КПК с 1935 по 1939г.

Спецификой КПК был большой внешний аппарат уполномоченных в республиках, краях и областях. Уполномоченные имели право, в случае явного нарушения решений съездов партии и постановлений ЦК ВКП(б), давать обязательные указания всем советским и хозяйственным органам в пределах соответствующей союзной или автономной республики, края и области, а также райкомам партии и первичным парторганизациям и были обязаны систематически сообщать в КПК о ходе осуществления решений съездов партии и постановлений ЦК ВКП(б) на местах. Формальный подход уполномоченных к своей работе, их нежелание портить отношения с местным партийным руководством или, наоборот, «выяснения отношений» и дразги заставили руководство КПК в 1946 г. возложить на ответственных контролёров центрального аппарата обязанность контролировать работу уполномоченных. В 1947 г. институт уполномоченных КПК был упразднён. Ответственные контролеры стали самостоятельно проводить проверки. Это

организационное решение себя явно не оправдывало: контролеры просто не справлялись с огромным потоком поступающих жалоб. На XIX съезде КПСС (1952 г.) было принято решение вернуть уполномоченных. Но сделано это было уже не в рамках Комиссии, а образованного вместо нее Комитета партийного контроля при ЦК КПСС

Делается вывод, что оптимальная модель организации контроля так и не была выработана. Попытка встроить партийный контроль в повседневный административно-управленческий процесс оборачивалась текучкой и перегруженностью аппарата КПК. Это влияло на общее качество контрольной работы.

Третий параграф посвящен руководству, личному составу и организации работы КПК. КПК была одной из крупнейших структур ЦК ВКП(б). В процентном отношении к личному составу всего аппарата ЦК удельный вес КПК колебался между 13—15 % в 1934—1941 г. до 8—9 % в 1942—1952 гг. Однако при постоянно росте поступающих заявлений и апелляций штат КПК последовательно сокращался вплоть до 1949 г. В 1951 г. по сравнению с 1945 г. количество заявлений увеличилось более чем в три раза, а аппарат КПК — всего лишь на треть.

Фактическим руководителем КПК в 1936-1952 гг. был заместитель председателя КПК М.Ф. Шкирятов (1883-1954), который, по воспоминаниям современников, пользовался особым доверием И.В. Сталина и активно участвовал в проводимой репрессивной политике.

Ранее неопубликованные воспоминания второго председателя КПК И.А. Ягодкина позволяют больше узнать о некоторых «темных» сторонах работы КПК и её руководства. Контролёры были перегружены работой, путались в делах, руководствуясь принципом «лучше десять исключить из партии, чем одного недостойного восстановить». КПК тесно сотрудничала с органами госбезопасности, вмешивалась в работу следствия и суда. Характер вмешательства был разнопланов и во всех случаях был политически мотивирован: если с одними КПК расправлялась, передавая в руки госбезопасности (по ряду свидетельств аресты проходили прямо в КПК в кабинете М.Ф. Шкирятова, а при КПК даже существовала особая политическая

тюрьма на ул. Матросская Тишина), то других укрывала от уголовной ответственности, не передавая материалы советским правоохранительным органам, хотя выявленные «проступки» и содержали состав преступления.

Делается вывод, что КПК по своей сути являлась следственным и судебным органом, развив полученные от своих предшественников (ЦКК-РКИ) традиции самостоятельного «расследования» преступлений членов партии, подмены судопроизводства, давления на советские правоохранительные органы. Эти функции КПК были нормативно не закреплёнными. Но именно они наиболее полно выражали специфику КПК.

Вторая глава

«Экономическая преступность в документах КПК» посвящена исследованию фиксации экономических преступлений партийных номенклатурных работников в документах КПК.

В первом параграфе рассмотрено содержание документов КПК, раскрыто отображение разнообразных форм экономической преступности. Анализ документов КПК совместно с материалами архивных фондов Министерства юстиции СССР, МВД СССР и Прокуратуры СССР показывает, что по многим коррупционным делам номенклатурных работников даже не возбуждалось уголовное производство. Формами взяточничества были премирования, банкеты и иные виды материальной поддержки предприятиями работников главков, руководителей партийных и советских органов на местах. Взятничество тесно переплетено с практикой самопремирования и самоснабжения. КПК часто сталкивалась с злоупотреблениями в форме изъятия продуктов и товаров, создания незаконных распределителей. Проблема растаскивания активом продуктов, скота поднималась Министерством госконтроля СССР в докладных записках в Совет Министров СССР. Поэтому можно заключить, что данные формы злоупотреблений представлены в документах КПК репрезентативно и действительно отображали существующее положение.

Случаи нецелевого расходования средств государственного и партийного бюджетов, растраты, незаконное получение премий, незаконное совместительство, получение гонораров по завышенным ставкам, разнообразные приписки становились

объектами «партийного расследования». Большинство случаев нецелевого расходования государственных и партийных средств имели выраженную корыстную составляющую. С другой стороны, документы КПК могут служить источником изучения методов выживания руководителей советских предприятий в условиях несовершенной модели плановой экономики. Запрещенные товарообменные операции, а в ряде случаев коррупция и приписки могли быть единственным решением конкретных хозяйственных проблем (нехватка ресурсов, невыполнимость производственного плана, необходимость стимулировать производительность труда работников предприятия...).

Делается вывод, что изучение документов КПК целесообразно проводить: во-первых, анализируя контрольный повод; во-вторых, опираясь на весь массив материалов фонда КПК; в-третьих, параллельно изучая нормативно-правовые акты, документы госконтроля, органов юстиции и прокуратуры, Наркомата (Министерства) финансов СССР. Это позволяет если и не верифицировать каждый отдельный случай, то выявить определенные общие практики или тенденции.

Во втором параграфе исследуются роскошь и бытовое пространство советской номенклатуры по документам КПК.

Изучение писем советских граждан позволяет определить, что на уровне повседневного восприятия советский человек относил к роскоши продукты питания и достаточно заурядные предметы обихода.

Потребление роскоши было зачастую сопряжено с незаконными практиками: спекуляцией, обменными операциями. В послевоенном образе жизни партийных номенклатурных работников можно проследить большой «поворот к вещам» (или, если посмотреть в более широком историческом контексте, — поворот к «стенке с хрусталём»), имевший с психологической точки зрения, вероятно, некоторое компенсационное значение в ситуации возвращения к мирной жизни. Впервые во время и после Великой Отечественной войны столь популярными стали заграничные предметы обихода, техники. Шла апелляция к городскому образу жизни. Стали востребованы домашний уют, комфорт, обустройство личного жилого пространства, что создало предпосылки для формирования “privacy”.

Анализ документов КПК и некоторых иных источников позволяет прийти к следующему выводу: несмотря на то, что советская роскошь конструировалась скорее нехваткой, а не избытком, такая роскошь была внешним выражением достаточно ощутимого неравенства между узкой прослойкой партийно-советской номенклатуры и остальными гражданами. Советское государство стремилось контролировать и ограничивать потребление материальных благ номенклатурными работниками, в том числе через издание специальных нормативных актов, институты партийного и государственного контроля. При этом на практике не было выработано какого-то единого подхода, наказание за девиации в этой сфере зависело скорее от политической целесообразности.

Третья глава

«Борьба с экономической преступностью в механизме политических процессов по документам КПК» посвящена изучению документов трёх кампаний позднего сталинизма: Азербайджанского, Ленинградского и Ульяновского «дел». Объем доступного документального наследия по ним позволяет выявлять не только внутренние противоречия в информации КПК, но и сличать эту информацию с тематически аналогичными сведениями из архивных фондов других учреждений, партийных органов. Кроме того, источниковедческое изучение материалов КПК по этим «делам» позволяет попутно решить и исторические задачи: вскрыть механизм этих «дел», их внутренние пружины и динамику.

В первом параграфе рассматриваются материалы КПК по «Азербайджанскому» делу — расследованию злоупотреблений руководящих работников Азербайджанской ССР. Их комплексное изучение, сопоставление с материалами архивных фондов Министерства госконтроля СССР, Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б) позволяет выявить некоторые нюансы протекавших весной и летом 1948 г. в Азербайджанской республике и ЦК ВКП(б) политических процессов. Как удалось установить, ревизия правительства Азербайджанской ССР была одобрена Советом Министров СССР и лично И.В. Сталиным. Развитие событий с января по июль 1948 г. приобрело угрожающий характер для республиканской номенклатурной верхушки. Исходя их анализа делопроизводственных материалов КПК и ЦК ВКП(б) по делу заместителя

Председателя Совета Министров Азербайджанской ССР Азизбекова, можно заключить, что отношение руководства партии к этому делу резко изменилось в промежутке с 16 июля по 21 июля 1948 г. Как удалось установить из протоколов Секретариата ЦК ВКП(б) и иных материалов, 16 июля 1948 г. Бюро КПК вынесла решение об исключении Азизбекова из партии. Но приложение с текстом постановления Бюро КПК в деле отсутствует, а в сгруппированных в самостоятельные дела материалах к протоколам Секретариата ЦК ВКП(б) этот пункт пропущен. Постановление Бюро КПК об исключении Азизбекова из партии было изъято из протокола КПК и принято в новой редакции уже за другим номером, датой и с другой резолюцией (вместе исключения из партии Азизбеков получал строгий выговор).

21 июля 1948 г. была образована Комиссия Политбюро, в которую был включен первый секретарь компартии Азербайджана М.Д. Багиров. 23 июля Секретариат ЦК ВКП(б) принял иную редакцию решения Бюро КПК, смягчающую наказание для Азизбекова. Выводы Комиссии, в достаточной степени реабилитирующие азербайджанских руководителей, были утверждены Политбюро 30 июля 1948 г. Можно допустить, что резкий поворот в «Азербайджанском деле» связан с перегруппировкой сил внутри ЦК. Именно в июле 1948 г., когда серьезно заболел А.А. Жданов, Г.М. Маленкову удалось вернуть доминирующее положение в ЦК ВКП(б). 2 июля 1948 г. Жданов провел последнее в своей жизни заседание Секретариата ЦК и передал Маленкову все дела. 10 июля Политбюро приняло постановление «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)».

Делается вывод, что подмена уже вынесенного и оформленного постановления Бюро КПК об Азизбекове характеризует роль и место КПК в системе взаимоотношений внутри ЦК ВКП(б) как инструмента решения конъюнктурных политических задач. КПК выступала скорее амортизатором «дела». М.Ф. Шкирятов с самого начала не был склонен предавать огласке «Азербайджанское дело» (Багиров пользовался особым доверием Берии) и передавать собранные материалы правоохранительным органам.

Во втором параграфе исследуются материалы КПК по «Ленинградскому делу», достаточно обстоятельно изученному в постсоветской историографии.

Материалы КПК по «Ленинградскому делу», которые в настоящее время доступны в РГАСПИ, — это постановления Бюро и Партколлегии КПК, сопроводительные документы к ним. Эти материалы не объединены в какой-то один комплекс. Документы выявлены через полистный просмотр протоколов Бюро и Партколлегии КПК. Однако в делопроизводстве Партколлегии КПК материалы «Ленинградского дела» объединены в несколько «особых» (тематических) протоколов

Источниковедческое исследование документов КПК скорее подтверждает концепцию о том, что определенные злоупотребления со стороны ленинградских руководителей имели место, но были предвзято и конъюнктурно истолкованы следователями и партийными контролерами.

Очевидно, что упор на незаконное присвоение продуктов питания должен был вызвать у ленинградцев особо негативные чувства к руководителям города. Обвинения в преступлениях экономического характера позволили сделать репрессивную кампанию массовой, придать ей определенную обоснованность. Документы КПК можно рассматривать как источник изучения методов создания «дела», механизма и приемов «партийного расследования». Однако достоверность сообщаемых в документах КПК сведений (буквальная содержательная сторона материалов) вызывает обоснованные сомнения, поскольку в них имеются существенные расхождения по суммам растрат, некорректные апелляции к данным за военные годы.

В третьем параграфе рассматриваются материалы КПК по «Ульяновскому делу» – делу о хищении спирта в Ульяновской области в 1946-1947 гг., по которому проходили секретари Ульяновского обкома партии и другие руководящие областные работники. Источниковедческий анализ документов КПК показывает, что проблемы с хранением спирта в области действительно имелись. Такие же проблемы были и в других советских регионах, однако именно в Ульяновске им придали политическую окраску. Управляющий Ульяновским спиротрестом был арестован как троцкист-

вредитель. Характерно, что КПК попыталась раскрутить это «дело» еще дальше. Ответственный контролер КПК А.М. Колесников в своей записке (апрель 1949 г.) сообщал о преступной организации всесоюзного масштаба, центром которой был Главспирт СССР. Подтверждающих эту записку сведений обнаружить не удалось ни в фонде Прокуратуры СССР, ни в фонде Министерства госконтроля СССР. Скорее всего, она представляет собой фальсификацию.

Сравнительное изучение документов КПК по «Ульяновскому делу» и материалов фондов других ведомств позволяет сделать следующие выводы: в целом в документах КПК репрезентативно отображаются проблемы в спиртовой отрасли, связанные с сохранностью спирта и сырья; в документах КПК зафиксировано несколько случаев разбазаривания спирта партийно-советской номенклатурой, однако только «Ульяновское дело» получило политическую интерпретацию; доступные в настоящее время документы КПК не раскрывают в полной мере причины и механизм «Ульяновского дела». В частности, закрыты для исследователей материалы КПК по делу начальника УМГБ по Ульяновской области Н.А. Кримиана. Склонность КПК политизировать «Ульяновское дело» сказалась на достоверности содержащихся в документах КПК сведений.

Общие итоги и результаты исследования изложены в **заключении**. Делается вывод, что «расследование» КПК экономических преступлений партийной номенклатуры имело противоречивый характер. КПК действительно пыталась бороться с экономической преступностью, как минимум, отслеживать такие явления. Но реакция КПК была политически мотивирована. Поэтому в практике КПК сложились два полюса: одних Комиссия укрывала от уголовного преследования, считая нецелесообразным передачу материалов судебным органам; материалы на других, неудобных, фальсифицировала или предвзято истолковывала достаточно заурядные проступки. Существенным фактором была и некоторая хаотичность организации работы КПК. Всё это требует особо внимательного изучения обстоятельств каждого конкретного дела, его внутренней логики и фактологии, сравнительный анализ как с однотипными материалами КПК, так и с материалами иных организационно и/или функционально близких к КПК структур и

учреждений (Политбюро, Секретариата ЦК ВКП(б), Прокуратуры СССР, Наркомат госконтроля СССР и др.).

Нужно принимать во внимание и то, что далеко не вся активность КПК документировалась; существовала практика изъятия (замены) уже оформленных протокольных записей; в целом архив КПК, по-видимому, в разные годы подвергался целенаправленной выборочной «чистке».

Протоколы Бюро и Партколлегии КПК, записки и справки уполномоченных и ответственных контролёров — основные разновидности документов изученного архивного комплекса — представляют собой источники, содержащие широкую ретроспективную информацию по экономической преступности: истории среды, в которой «расследовались» экономические преступления; судьбы партийных номенклатурных работников, механизмы партийного контроля и следствия... Эти документы при неизбежных ограничениях запечатлели достаточно репрезентативный срез девиаций среди партийной номенклатуры, что делает их ценнейшим конкретным источником для научного понимания феномена советской экономической преступности.

При всей неизбежной предвзятости КПК в её документах можно выявить общие характерные для того времени девиативные тенденции или типичные схемы как, например, самопремирование, приписки на производстве, незаконные обменные операции, нецелевое расходование средств производственных фондов, нарушения в области внелимитных капиталовложений, злоупотребления во время денежной реформы 1947 г., хищения в спиртовой промышленности и пр. Кроме того, поскольку отношение КПК к экономическим преступлениям было двойным, то и материалы КПК содержат наряду с преднамеренными и неизбежными искажениями и сведения о вполне реальных злоупотреблениях, в том числе, о которых партия по разным причинам не хотела сообщать уполномоченным советским органам.

Общей особенностью документов КПК как исторического источника следует признать многоуровневый характер их информации, сложность структуры документальных комплексов, взаимосвязь составляющих их документов, что отражает и порождено взаимосвязью содержащейся в них информации. Следствием является то обстоятельство, что информация дробится, отдельный документ не

универсален, полноценный анализ требует выявления всей системы документов, раскрытия реального движения информации.

Значение документов КПК, разумеется, не ограничивается их негативной критикой и выходит далеко за рамки проблемы определения достоверного / недостоверного. На документы КПК можно смотреть и как на источник изучения механизмов «партийного расследования»: почему контролеры обращали внимание на те или иные проблемы, как их интерпретировали, как определяли границу дозволенного и недозволенного в поведении партийной элиты. Мы видим на примере борьбы КПК банкетами, что сами по себе такие проступки оценивались Комиссией достаточно лояльно, но в случае «Ленинградского дела» именно они стали основой «обвинительной базы».

Небезынтересны документы КПК и с позиции изучения советской повседневности, восприятия роскоши, практик потребления экономических благ. Разнообразные детали советской повседневной жизни неизбежно охватываются авторами писем в КПК, партийными контролерами и уполномоченными в записках, отчетах, а также в основанных на них резолютивных документах. Настоящее исследование позволило определить бытовые запросы советской номенклатуры как стремление наполнить свою жизнь городским и даже скорее «старорежимным» уютом.

Достоверность источников определяется самим процессом их создания и целевого назначения. Документы КПК сами по себе являлись важнейшим элементом контрольной работы, и результативность контроля во многом определялось их содержанием. Таким образом, здесь достигается и обратный эффект, когда частные источниковедческие / архивоведческие проблемы могут выйти в авангард исторического исследования: внимание к делопроизводству КПК оправдано не только тем, что на примере данного партийного органа мы рассмотрели малоизвестные аспекты принятой в ЦК системы документирования и документооборота. Состояние делопроизводства КПК многое рассказало о состоянии самой контрольной работы: КПК тонула в «текучке», попутно успевая разбирать наиболее важные вопросы по заданию ЦК ВКП(б). Эффективная контрольная модель

так и не была найдена, что не мешало КПК быть удобным для режима репрессивным институтом.

В приложении №1 представлена таблица, содержащая информацию о комплексах документов высших контрольных органов ВКП(б)/КПСС за 1934-1966 гг. **Приложение № 2** содержит структуру КПК при ЦК ВКП(б) (1934-1952 гг.).

Апробация результатов исследования. Ключевые положения диссертации были изложены в ряде статей, а также в докладах на международных и всероссийских научных конференциях: ежегодных научных конференциях ИАИ РГГУ (2014, 2015 гг.), на конференции «Россия на пересечении пространств и эпох» (РГГУ, 2013 г.), Международной конференции молодых учёных и специалистов «Сlio-2014» (Российский государственный архив социально-политической истории), Международном научном форуме «Ломоносов-2014» (МГУ), XVI апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества (2015 г.), Летней школе для молодых исследователей «Выход из авторитарных социалистических режимов (с 1945 года до наших дней)» (2014 г.), организованной совместно РГГУ, Российским государственным архивом социально-политической истории и Центром франко-российских исследований, а также в рамках дискуссии из совместного цикла Сахаровского центра и «Трасперенси Интернешнл – Россия» «Антикоррупция. Сезон 2016/17».

Основные результаты исследования представлены в 11 опубликованных работах, в т.ч.

- в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Никонорова Т.Н. Делопроизводство Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). 1934-1952 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 104-113.

2. Никонорова Т.Н. Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в Российском государственном архиве социально-политической истории // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 89-99.

3. Никонорова Т.Н. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934-1952 гг.) // Российская история. 2015. № 6. С. 26-40.

4. Никонорова Т.Н. Институт партийной ответственности в СССР, 1919-1952 гг. // История государства и права. 2016. № 1. С. 9-14.

- в других изданиях:

5. Никонорова Т.Н. Представители советской партийной номенклатуры как субъекты экономической преступности: 1945-1952 гг. // Материалы Второй международной междисциплинарной научной конференции молодых ученых «Россия на пересечении пространств и эпох». Москва, РГГУ, 22 марта 2013 г. М., 2013. С. 70-75.

6. Никонорова Т.Н. Роскошь в эпоху позднего сталинизма (1945-1952 гг.) // Роскошь и её значение в общественной жизни. СПб., 2013. С. 45-59.

7. Никонорова Т.Н. Секретный архив Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б): проблемы изучения и реконструкции // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IV Международной конференции молодых ученых и специалистов “Слио-2014”. М., 2014. С. 309-312.

8. Никонорова Т.Н. Записки и отчеты уполномоченных Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1939-1947 гг.) как исторический источник // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, 14-15 апреля 2014 г. М., 2014. С. 266-268.

9. Никонорова Т.Н. Материалы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) как источник изучения «Ленинградского дела» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития : Материалы XXVII Междунар. науч. конф. Москва, 9 — 11 апр. 2015 г. М., 2015. С. 339-341.

10. Никонорова Т.Н. Конструируя Роскошь: Бытовое Пространство Советской Номенклатуры, 1940—1952 годы // The Soviet and Post-soviet Review. 2016. No. 43. Pp. 219-242.

11. Никонорова Т.Н. «Азербайджанское дело»: ревизия Совета Министров Азербайджанской ССР в 1948 г. // Новейшая история России. 2018. № 1. С. 116-129.